

ЗЕМЛЯ МЕЧТЫ

*Посвящается Вики.
А также Линн, Роу, Тиму и Кэти,
у которых правильные наклонности*

Сент-Бёв к старости стал рассматривать весь жизненный опыт, накопленный человеком, как одну огромную книгу, которую нам предстоит изучить, прежде чем отойти в мир иной; и для него, казалось, не имело значения, будете ли вы читать Двадцатую главу, посвященную дифференциальному исчислению, или главу Тридцать девятую о том, как вы слушали игру оркестра в городском саду.

Роберт Луис Стивенсон,
*Apology for Idlers*¹.

¹ Apology for Idlers (рус. «Апология бездельников») – эссе Р. Л. Стивенсона, 1877. На русский язык не переводилось. – *Прим. ред.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ, В КОТОРОЙ ПРИЕЗЖАЕТ ПЕРЕДВИЖНОЙ ЛУНА-ПАРК

Глава 1

Дождь шел уже шесть дней, когда к берегу прибило огромный ботинок. Ботинок этот был совершенно немислимый, размером с весельную лодку, с истрепанными шнурками, за которые цеплялся целый сад какой-то неведомой розовой растительности и синезеленых водорослей.

Стоял октябрь, день уже клонился к вечеру. Небо задыхалось от туч и морской пены, образуемой волнами, с ревом бросающимися на обнаженные рифы вокруг мыса. Громадные темные буруны накатывали на берег, напоминая собой наклонные ледяные площадки для катания на коньках; они нащупывали мелководья и обрушивались на них с такими яростью и ревом, что их было слышно за четверть мили от деревни, за фермой Эджвера и за Падшим мостом. Вдоль горизонта под тучами светилась голубая небесная окантовка, напоминающая помятую ленту, протянувшуюся от мыса на север к краю света; эта полоска напоминала старинное изделие из фарфора, водянисто-бледное от дождевого тумана, осевшего на нее.

Ботинок лежал на берегу, и от него пахло ламинариями, мокрой кожей и солеными брызгами. Из-под шнурков торчал наискосок, указуя на небо, язычок, напоминающий обезображенный парус какой-то сказочной яхты, а время от времени волна, более сильная, чем предыдущая, накатывала на песчаный берег кипящей морской пеной и перемещала ботинок еще фута на два в глубину суши, и в конечном счете, когда Скизикс увидел его на закате, ботинок

стоял высоко над отступившим приливом, словно какой-то бродяга-великан оставил его там и ушел домой.

Ботинок был наполнен морской водой, которая вытекала из него через швы в подошве, но кожа так набухла за время плавания, что вода уходила очень медленно, и даже под утро ботинок был почти полон. Вода в нем под грозовым небом была темнее колодезной. Но что-то поблескивало в его глубинах — то ли бесстрастная серебристо-зеленая чешуя, то ли серебряные монетки. Чтобы узнать, что же оно такое на самом деле, нужно было закатать рукав и сунуть руку в холодную темную воду.

Скизикс — так называл себя Бобби Уикхэм, а называл он себя так с пятилетнего возраста, с того самого дня, когда увидел на стене библиотеки картину, изображающую старика в шляпе со страусовым пером. Ему сказали, что это король финляндский Скизикс, который за век до нынешних дней был так знаменит, что теперь его изображение можно увидеть в любом хорошем иллюстрированном словаре. Бобби это имя показалось каким-то птичьим, а великолепие страусова пера в пятилетнем возрасте в мире его ценностей сомнению не подлежало. Теперь, в шестнадцать лет, это имя представлялось ему дурацким, но оно прилепилось к нему, и он, даже если бы и захотел, вероятно, не смог бы от него избавиться.

Он заглянул в самую глубину воды. Верхняя кромка ботиночного борта находилась на одном уровне с его, Скизикса, шеей. Если бы там лежали серебряные монетки, то дотянуться до них было бы все равно невозможно, к тому же они как бы парили у самой поверхности лишь из-за оптического обмана — часть солнечного луча заглянула внутрь, когда тучи в небе на мгновение разошлись над морем. Скизикс раскрыл свой потрепанный зонтик, когда ветерок посвежел и бросил гроздь дождевых капель ему за шиворот. Блеск серебра пропал, и тогда он понял, что это были всего лишь зайчики, отражаемые чешуей стайки маленьких рыбок.

Никакого объяснения этому ботинку не было. Он пробыл в океане неделю или около того — понять это не составляло труда, — приплыл ли он из какой-то далекой земли, или же его отнесло на юг прибрежным течением, неизвестным Скизиксу. Происхождение этого ботинка было таким же туманным, как и появ-

ление громадных очков, найденных две недели назад в путанице морской травы. Скизиксу пришло в голову припрятать ботинок. Он решил оттащить его за грудку камней и прибитых к берегу коряг, чтобы потом показать доктору Дженсену. Пусть доктор увидит его первым, изучит. Очки они доктору не показывали, повесили их на стене таверны рядом с замечательной двухголовой собакой. Линзы очков были затянuty солью, песком и морскими водорослями, а латунь оправы покрыта патиной, словно превращалась в драгоценный камень. С помощью кухонной лопаточки они соскребли с линз грязь и нарисовали на них клоунские глаза, чтобы возникло впечатление, будто очки смотрят на вас со стены таверны. Двухголовая собака рядом с ними кидала на окружающих горестные взгляды, ее шерсть потускнела и местами выпала.

Скизиксу эта идея ничуть не нравилась. Ведь таким образом они высмеивали и печальную собаку, и доктора Дженсена. Кое-что высмеивать вообще не следовало. Господь знает, что *его*, Скизикса, высмеивали достаточно часто и главным образом по двум причинам: за то, что он был толстый, и за то, что он в любую погоду — стояла ли жара или лил дождь — любил прогуляться по берегу. Он почти было оставил свои прогулки, когда уже начало казаться, что дождь никогда не кончится.

В первый день проливных дождей он с рассветом выскользнул через окно из сиротского приюта, пролежав без сна почти всю ночь и слушая, как дождь молотит по тонкой крыше, как его потоки с урчанием несутся по водостокам, и все утро он провел, бродя под зонтиком по приливным заводям. Он собрал целое ведро хрупких морских звезд — их доктор Дженсен мог продать в южной части города, а к десяти или одиннадцати нужда в зонтике отпала, потому что, с ним или без, он промок с головы до пят. В пещере в склоне холма он разжег костер из прибитого к берегу дерева и весь день просидел, наблюдая за дождем через завесу дымка и нанизывая морские раковины на бечевку, вытященную из ребер зонтика.

Ботинок доктору пригодится. Один господь знает, что доктор Дженсен будет с ним делать, но что-то точно будет, вот хотя бы исследовать его. Доктору очень были нужны очки, но хозяин таверны, человек по имени Макуилт — у него был свернутый набок нос, и он настолько окривел на один глаз вследствие какой-то изну-

рительной болезни, что почти ничего им не видел — заявил, что очки доктору он не отдаст. Он повесил их на стену таверны, сказал он, а доктор Дженсен может сам повеситься, если хочет. Для чего Макуилту нужен был ботинок? Может быть, он соорудил бы из него кадку для цветов и поставил ее перед входом в таверну, а потом по вредности своей позволил ей зарости сорняками.

Море одним глотком проглотило солнце и даже не поморщилось, и вечерний берег погрузился в темноту. Скизикс просунул руки под поношенную подошву ботинка и попытался его поднять. С тем же успехом он мог бы попытаться поднять целый дом. Ему пришлось вычерпать из ботинка воду, после чего можно было уже думать, что делать дальше, но и в этом случае все его идеи, вероятно, не стоили и ломаного гроша, потому что без помощи ему было не обойтись. К тому же его желудок начал урчать, и он вдруг понял, что если сейчас же не поест, то потеряет сознание. Остатки ланча, что он с собой принес, позволили ему продержаться до полудня. Но с тех пор во рту у него не было ни крошки. Обычно он, плохо ли, хорошо ли, ел в приюте, потом уходил оттуда и ел у доктора. Почему-то около десяти часов ему ничего так не хотелось, как горячей картошки с маслом и посыпанной солью, чтобы над тарелкой поднимался парок, а масло растекалось вокруг картофелин. Потом он ел пустые щи с хлебом в приюте, однако и эта еда была не из худших. Один раз, когда доктор Дженсен на три дня уехал на юг, Скизикс ел сырых моллюсков, и он до сих пор помнил скользкую, как у сырой печени, поверхность этих существ и их запах — так пахли сваи на пристани. Ему бы, вероятно, пришлось голодать, если бы не дочь пекаря Элейн Поттс с пышками. Хорошая старая Элейн; но сейчас ее не было, она уехала на юг, на каникулы, и появится только через неделю. Пропустит солнцеворот вчистую.

Голод подавлял его, как бесшумная стремительная волна, и он вдруг поймал себя на том, что карабкается по склону к Прибрежной дороге и железнодорожным путям и деревне за ними. Наступившая вечерняя тьма укроет ботинок. В темноте его никто не найдет, и уж тем более Макуилт, который будет далеко за полночь разливать эль в кружки и собирать монеты. Ботинок был в безопасности. С вершины холма у дороги он казался не более чем прилив-

ной заводью причудливой формы. Скизик поест, а потом найдет Джека Портленда. Джек поможет ему с ботинком. Они отправятся за ним сегодня же ночью и притащат к дому доктора на тележке, старик Дженсен откроет им дверь в ночных рубахе и колпаке, а рядом с ним будет стоять миссис Дженсен. Время уже будет близиться к рассвету. Они с Джеком будут без задних ног, вспотевшие после ночной работы по спасению ботинка, и пока доктор будет на улице с фонарем под проливным дождем рассматривать его находку, миссис Дженсен пригласит их в дом и угостит домашним печеньем, кофе, сыром, соленым огурчиком и кусочком пирога.

Скизик любил думать о еде, в особенности когда был голоден. Каждый день часа в четыре пополудни он витал в облаках, размышляя о еде, которую будет когда-нибудь есть. Несколькими годами ранее он поклялся себе, что настанет время, когда он отправится в кругосветное путешествие и по пути будет заходить поесть во все кафе и гостиницы. Он будет съедать по два десерта, а если и станет толстяком, то хотя бы добрым. Полумеры ни черта не стоили, когда речь шла о еде.

* * *

Когда он добрался до деревни под тучами и деревьями прибрежной полосы, наступила полная темнота. В каминах общих комнат и гостиных плясали веселые языки пламени. Из труб поднимался дымок. Скизик тащился сквозь дождевые струи по мощеной улочке, которая петляла между домов параллельно Главной улице. За стеклами окон он видел семьи за обеденными столами, сестер и братьев, матерей и отцов — все они поедали картофельное пюре, жаркое с овощами, нарезанные яблоки с корицей. Если бы он постарался, то мог бы вспомнить лицо своей матери, но старался он редко. К тому же он не мог вспомнить, чтобы они вот так же сидели за столом и ели всей семьей. Ведь семьи у него не было.

Теперь у него были Джек и Хелен... и, конечно, Пиблс и Ланц. Джек жил не в приюте; а с мистером Уиллоуби на вершине холма. Джек был влюблен в Хелен, хотя и помалкивал о своей любви, даже своему лучшему другу Скизиксу ничего не говорил. А Хелен

жила в приюте по меньшей мере столько же, сколько Скизикс. Она держала в тайне свое отношение к Джеку, что, без сомнений, того обескураживало.

А вот Пиблса Скизикс недолюбливал. Его вообще никто не любил, за исключением разве что мисс Флис, которая возглавляла приют или по крайней мере была ближе, чем кто-либо другой, к его возглавлению. Пиблс «держал ее в курсе». Она сама всегда говорила: «Пиблс будет держать меня в курсе». После этого она прищуривала глаза, словно в них попал песок, и очень медленно кивала головой. Нос у Пиблса был такой же, как у Макуилта, словно кто-то свернул его набок плоскогубцами, и Пиблс всегда вертелся около мисс Флис, докладывая, что Скизикс слишком много ест.

После этого она целый час читала Скизиксу лекцию о правильном питании. Она говорила, что сама, когда была девочкой, ела только цельнозерновые лепешки и пила колодезную воду. Похоже, так оно и было на самом деле, поскольку она была тоща, как побитое ветром пугало, а под глазами у нее темнели синяки. Скизикс не понимал, какой прок от подобного питания. И даже если бы мог, то вряд ли съедал бы меньше ее пустых щей и хлеба; таких порций хватало разве что на то, чтобы не умереть с голоду. Хелен нередко отдавала ему свою порцию хлеба, потому что была маленькой и говорила, что ей мало надо, а Скизикс приносил ей засушенных морских звезд, пустые раковины многокамерных наутилусов, натиков, которых шторма в изрядных количествах выбрасывают на берег.

Но с Пиблсом приходилось как-то уживаться. Ведь он никуда не девался, все время шнырял тут и там. Уиллоуби называл таких «печальный случай». Его ненавидели почти все, кроме мисс Флис, а больше всех ненавидел его сам Скизикс. По крайней мере, так ему казалось. Скизикс перебрался через невысокий забор за приютом и пошел по высокой, до колена, траве, сунул медную линейку между рамой и оконным переплетом и сместил маленькую задвижку, которая не позволяла окну открыться. После минуты стонов, подтягиваний и дрыганий ногами он пробрался внутрь и упал на пол, закрыл окно, предварительно бросив медную линейку на траву рядом со стеной, и выглянул в коридор, откуда доносилось позвякивание тарелок и стаканов.

В воздухе висел кислый, тяжелый запах вареной капусты. По коридору в сторону Скизикса брели два кота, и он нагнулся, взяв на руки одного из них — белого с оранжевыми подпалинами по кличке Мышь, его любимца. Он был почти уверен, что этот кот может говорить, и в последнее время не раз просыпался посреди ночи и обнаруживал, что кот пристроился рядом с его ухом и нашептывает ему что-то, вот только слов он не мог разобрать. Это солнцеворот был во всем виноват — перевернул все в его голове вверх тормашками.

Завидев его, мисс Флис только моргнула. Ее волосы, казалось, сошли с ума. Половина была собрана сзади в пучок и схвачена бечевкой. Другая половина избежала бечевки и висела у нее на ушах, как весла галеры. Уголки ее рта потянулись вниз.

— Ты опоздал, — пропищала она своим едва ли похожим на человеческий голосом.

— Я заснул. Ужасно устал из-за дождя прошлой ночью.

— Ты опять *лжешь*.

— Так оно и есть, — весело поддакнул Пиблс. — Полчаса назад его не было в кровати. Я к нему заглядывал, а он еще и не появлялся. Его весь день не было. Вы посмотрите на него — у него вся одежда мокрая.

— Да, мистер Пиблс, я уверена, что мокрая. — Мисс Флис смерила Скизикса пронизательным взглядом, который мог означать, что она видит его насквозь, что ему придется сильно постараться, если он хочет водить за нос кого-то вроде нее.

— Это ты врешь, — усталым голосом сказала Хелен Пиблсу. — Я своими глазами видела, что он спал час назад, и опять же это было до ужина.

Теперь пришла очередь Хелен встретить прищуренный взгляд. Мисс Флис оглядела ее с головы до ног, словно в эту самую секунду увидела ее в первый раз. Или словно *только сейчас* увидела в ней предателя.

— А мокрая одежда? — с улыбкой спросила она, улыбаясь и кивая Пиблсу.

— Просто я спал с открытым окном, — сообщил Скизикс, не желая, чтобы Хелен лгала ради него. К этому времени ему было уже совершенно ясно, что сама мисс Флис в его комнату не заглядыв-

вала. Она редко туда заглядывала. Обычно она занималась тем, что читала бульварные романы в комнате, которую называла «зала», и предсказывала судьбу за пенни.

А еще она устраивала сеансы. Как-то раз Скизикс и Хелен заглянули в окно и, к своему удивлению, увидели призрака, появившегося в середине спиритического сеанса со стороны кухни. Одна из женщин упала в обморок, другая вскрикнула, и та, что не справилась с эмоциями, решила, что это призрак ее мертвого сына, вернувшегося по вызову мисс Флис. Но это был не ее мертвый сын — впрочем, женщина об этом так и не узнала, — это был Пиблс, обсыпанный мукой и облаченный в черную мантию. Упавшая в обморок была женой мэра, другая — сестрой мэра, а сам мэр откусил кончик сигары и чуть не поджег свои брюки тлеющим пеплом, и потребовался целый галлон дорогущего чая, чтобы вернуть участников сеанса в состояние, в котором они могли добраться до дома.

Хелен и Скизикс выждали день и только потом спросили у мисс Флис, зачем Пиблс вывалялся в муке и что означали дикие крики. Скизикс тем вечером получил лишнюю пайку хлеба, а Хелен была освобождена от мытья посуды, и два следующих месяца они прожили лучше, чем когда бы то ни было за долгие годы: приходили и уходили, когда душа пожелает, находили кусочки солонины в своих пустых щах и со смехом вспоминали время от времени, как они удивились, увидев Пиблса в таком одеянии — в мантии и все такое, вспоминали и о том, как ловко мисс Флис провела двух дам, которые, к своему несчастью, оказались слишком легковверными. А они с Хелен «смогли уличить мисс Флис и Пиблса», гнул свое Скизикс. Получили бы обманщики по заслугам. Но мисс Флис принимала все меры, чтобы избегать таких скандалов, она даже как-то вечером, наступив себе на горло, купила Скизиксу пирог на ужин, и он съел его — поделившись с Хелен — до последней крошки, пока мисс Флис стояла с открытым ртом и шипела, как бомба за мгновение до взрыва, который сровняет с землей дом. Мисс Флис ненавидела их обоих. Как и Пиблс.

После ужина Скизикс снова вышел через окно. Мисс Флис наверняка устроит ему выволочку утром — будет приглядывать за его комнатой этой ночью. Ну и что? Что она может ему сделать,

посадить на половину рациона? Он мог бы переехать к доктору Дженсену. Только это означало бы бросить Хелен на растерзание мисс Флис и Пиблсу, а на это он пойти не мог. Она была ему как сестра. Он не прошел и половины пути вверх по склону до фермы Уиллоуби, когда его догнала Хелен.

— Куда мы идем? — спросила она, хотя прекрасно знала ответ: за фермой Уиллоуби не было ничего, кроме рощи секвой и лугов, задуманных ягодными плетями и скунсовой капустой.

— Только до Джека.

— А куда потом?

Скизикс пожал плечами. Он не был уверен, что хочет, чтобы с ними была девчонка в такую ночь, когда буря грозила разыграть-ся не на шутку, а небо заполнили летучие мыши, тучи и ветер.

— Да просто прогуляться.

— Ты врешь так же неумело, как Пиблс. Вы с Джеком что-то затеяли. Что? Я вам помогу. — Она плотнее закуталась в свое пальто и подняла воротник, чтобы защититься от ветра, который задувал сюда прямо с берега и был насыщен туманистой морской солью.

Вообще-то Скизикс был очень даже рад иметь ее под боком. Он пробормотал что-то о том, что негоже девчонкам гулять в такие ночи, но Хелен так на него посмотрела, что он тут же умолк, усмехнулся ей в ответ, словно сказал это только для того, чтобы спровоцировать ее, а он, конечно, именно *для того* и произнес эти слова. Выше по холму ветер дул порывами, подхватывал недавно опавшие листья, словно собирался перенести их в соседний округ. Но после нескольких дней дождя листья затяжелели и потому почти сразу же падали на дорогу и лежали на ней темными и влажными пятнами, отливая лунным светом. По ручейкам и промоинам текла мутная вода, в них теперь до самого лета будет вода, все осадки в конечном счете окажутся в Угрёвой реке, которая, если дожди вскоре не закончатся, выйдет из берегов и затопит фруктовые сады и фермы в низине вдоль берега. Река Угрёвая в устье образовывала маленькие песчаные островки, а потом исчезала в океане над Плато Крутобережья в нескольких милях от Прибрежной дороги, где Скизикс нашел ботинок и куда выбросило гигантские очки.

Дикая фуксия расцветала в тени болиголова и ольхи вдоль дороги, но в темноте поразительный пурпуровый и розовый цвета